

УДК 821.161.1 Русская литература

Захарова Е. В.

Московский государственный областной университет

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭМЫ С.А. ЕСЕНИНА
«СЕЛЬСКИЙ ЧАСОСЛОВ»**

E. Zakharova

Moscow State Regional University

**ART FEATURES OF POEM "SELSKIY CHASOSLOV"
BY S. YESENIN**

Аннотация. Автор статьи рассматривает художественные особенности поэмы «Сельский часослов», произведения одного из талантливейших и самобытных поэтов начала XX века С.А. Есенина. Особое внимание уделяется доминирующим образам поэмы (рассматриваются их истоки, символика, параллели). Важным в статье является и то, что анализ поэмы ведётся в контексте эпохи (обращается внимание на время написания поэмы, на отношения поэта к событиям этого времени), а также в рамках всего творчества поэта (к элементам сюжета и анализируемым образам приводятся параллели из стихотворений поэта). В конце статьи представлены выводы.

Ключевые слова: Сельский часослов, поэма, Есенин, лирический герой, композиция, художественный образ, художественная деталь, синтез.

Abstract. The author of the article studies the art features of poem "Selskiy chasoslov" by S. Yesenin, one of the most talented and original poets of the beginning of 20th century. Special attention is paid to dominant images of the poem (their origins, symbolism, parallels). It's also important that the analysis of the poem is done in context of the epoch (attention is paid to the period of the poem composition, to the author's attitude to events of that time), and it's also done in frames of the whole author's work (parallels from author's poems are found between elements of the plot and analysed images). Conclusions are presented at the end of the article.

Keywords: "Selskiy chasoslov", poem, Yesenin, lyric hero, composition, art character, art detail, synthesis.

Сергей Александрович Есенин прожил всего тридцать лет. Но след, оставленный им в русской поэзии, настолько глубок, что не стёрли его ни усилия некоторых глухих и слепых его современников, ни последующие десятилетия, в которые ощутимо дала о себе знать инерция недоверчивого и предвзятого отношения к поэту. Его поэзия всегда жива в душе и в памяти нашего народа, потому что она уходит своими корнями в толщу народной жизни.

В сознании русского человека навсегда сложилась ассоциация: русские просторы, пейзажи, завораживающие глаз и наполняющие душу теплом, – это Есенин. Но всегда ли эти пейзажи так просты и понятны читателю?

Из совокупности произведений Есенина, его дневников, писем; из воспоминаний его современников; из большого числа работ есениноведов вырисовывается широкий и разнообразный круг знаний, усвоенных поэтом. Жизнь и быт русского крестьянства, фольклор разных народов, мировая мифология и наука, реальная жизнь нашей планеты первой четверти XX столетия и её история – всё это питало талант Есенина, входило в его душу и спо-

собствовало сотворению им нового, художественного мира.

Цель нашей статьи состоит в определении художественных особенностей лирики С.А. Есенина, выявлении доминирующих художественных образов его стихотворений, выявлении источников этих образов, прослеживании образной эволюции, в анализе мотивов и поступков лирического героя. Сделаем мы это на примере одной из самых нестандартных поэм С.А. Есенина – поэме «Сельский часослов».

Поэтический сборник стихотворений Есенина, изданный в 1918 году, называется «Сельский часослов». Помимо стихотворений в него включены несколько поэм. Нам бы хотелось остановить своё внимание на одноименной поэме. В 1918 году под таким же названием выйдет отдельный сборник поэм Есенина, но «Сельского часослова» в ней не было. Более того, ни в одно из последующих изданий автор эту поэму не включил. Обратимся к данному произведению и выявим его художественные особенности.

Название говорит нам о религиозной стороне поэмы. Часословом обычно называли книгу, которая содержала в себе тексты религиозных служб, так называемых часов. Также им называют книгу песнопений и молитв для церковных служб.

Часослов служит руководством для чтецов и певцов на клиросе. Эта книга содержит в себе порядок всех повседневных служб, кроме литургии. Часослов включает тексты неизменяемых молитвословий ежедневных церковных служб: часов с междочасием, избразительных, вечерни, повечерия, полунощницы, утрени. Кроме того, Часослов содержит чины и молитвы, присоединяемые к службам дневного круга: утренние молитвы, последование возвышения панагии (называемый также «чин о панагии»), благословение трапезы, канон Богородице и молитвы на сон грядущим. В позднее время в Часослов были включены краткие изменяемые песнопения, которые, однако, повторяются часто (например, каждую неделю): тропари, кондаки,

Богородичны, прокимны и примастаны. Часослов может содержать избранные тексты Пасхальной недели и других больших праздников или постов.

Часто в сельских школах по этой книге учились читать, а значит, с ней постигали азы знания юные умы. Эта книга – некое двойное «начало» для них: с одной стороны, начало знания, с другой стороны, начало нравственных основ жизни. Мы видим, что подобным названием поэт хочет нам сказать о том, что он создаёт новую книгу молитв и песнопений, но теперь они связаны не с порядком проведения церковных служб, а с теми событиями, которые происходили в 1918 году в России, а именно с ещё совсем недавней революцией, с новым форматом жизни русских людей (новое государство, новые люди – новый часослов).

Поэма содержит посвящение Владимиру Чернявскому. Это поэт, артист, один из близких петроградских друзей Есенина. Позже в стихотворении «Прощание с Мриенгофом» поэт перефразирует строки Чернявского и напишет следующее: «Мне страшно – ведь душа проходит // Как молодость и как любовь...» [3, с. 403].

В месяцы, когда создавались поэмы о революции, поэт был «творчески переполнен». В сборнике «Есенин академический: актуальные проблемы научного издания» приведены воспоминания поэта Владимира Чернявского. Он помнит, как Есенин горел «молодым, буйным огнём, в котором выковывалась его творческая индивидуальность... На лире его были натянута живые крепкие мускулы» [3, с. 403].

Выбор формы свободного стиха речитативного типа в поэме «Сельский часослов» обусловлен его близостью к традиционному русскому «молитвенному» стиху. Композиция произведения, состоящего из четырёх частей, ориентирована на схему «четырёх часов», составляющих основу суточного богослужебного круга.

Художественное время поэмы построено так, что оно движется не от утра к вечеру,

а наоборот, от вечера к утру, и в этом присутствует определённый авторский замысел. Логика движения от заката к рассвету мотивируется чинопоследованием церковных служб от вечерни к утрени, за которым, в свою очередь, скрыт глубокий духовный смысл. По церковному обычаю, день начинается с вечера, так как первому дню мира и началу существования человека предшествовала тьма, вечер, сумерки.

Финал поэмы ассоциируется с рассветом: лирический герой гасит звёзды-свечи и возвещает «Деве Руси» «новое рождение», приход нового дня. Подобная символика присуща и утренней церковной службе, знаменующей «свет, бодрость, жизнь», поскольку в православном богослужении за утренней прославляется пришествие в мир спасителя, принесшего с собой новую жизнь людям.

Ключевыми образами поэмы являются световые образы, и это не случайно. Исследователь Л.Л. Бельская в книге «Песенное слово», рассматривая пейзажные картины в лирике С.А. Есенина, пишет: «Небесные пейзажи Есенина не кажутся однообразными, хотя повторяются многократно, скажем, луна и месяц упоминаются и описываются более 160 раз, небо и заря — по 90, звёзды — почти 80. Но фантазия поэта неистощима, и месяц предстает то «рыжим гусем», то «всадником унылым», то шапкой деда, то он «жеребёнком запрягался в наши сани», то «рогом облако бодает, в голубой купается пыли», то, «словно жёлтый ворон, кружит, вьётся над землей» [1, с. 34].

Касательно образов огня и света в поэме просматриваются использование поэтом заговорно-заклинательных традиций. Подобно героям русского эпоса, он обращает свои мысли и чувствования ко всему мирозданию и его живописным стихиям. При этом ритуальное «заклятие хаоса» совершается в поэме тем же способом, что и в народных заговорах. Чаще всего в них называются те же четыре «света» (солнце, заря, месяц, звёзды), что и в есенинском произведении.

Обычно в заговорах используется форма «адресованного» монолога: «Заря-зарница, красная девица, светел месяц, ясны звёзды, возьмите у меня бессонницу, бездремотницу, полунощницу!.. Звёзды вы ясные, сойдите вы в чашу брачную! Месяц ты красный, зайди в мою клеть! Солнышко ты привольное, взойди на мой двор!.. Месяц ты месяц, серебряные рожки, золотые твои ножки! Сойди ты месяц, унеси мою боль под облака!» [3, с. 404].

Каждая из четырёх частей поэмы воспроизводит те же структурные элементы и характерные формулы заговора. Например, первая часть начинается следующим образом:

*О солнце, солнце,
Золотое, опущенное в мир ведро,
Зачерни мою душу!* [3, с. 172]

Остальные части имеют схожую структуру начала. Это отмечено исследователем А.В. Маймнескуловой в научном труде «Сельский часослов» Есенина: опыт интерпретации»: «Обращения к светилу с двухкратным повтором его вокативного имени («О солнце, солнце!» – 1 часть поэмы; «О месяц, месяц!» – 2 часть; «О красная вечерняя заря!» – 3 часть; «О звёзды, звёзды!» – 4 часть)». Некоторый сбой получался в черновом варианте в начале третьей главы. Первоначально это были такие строки: «Где ты, где моя Родина?». Они были зачёркнуты и заменены другими словами: «Красная вечерняя заря» (В окончательном варианте: «О красная вечерняя заря!») [3, с. 174].

Образ солнца – ведра («О солнце, солнце! Золотое, опущенное в мир ведро...») пришёл в поэтику Есенина из древних мифов, согласно которым небесный путь души усопшего в рай пролегал через глубокий колодец. В поэме «Сельский часослов», повторяющей ранее развитый в поэме «Пришествие» мотив русской Голгофы, небесный колодец обращивается «кладезем мук», которые предстоит вынести революционной России. Впервые лирический герой Есенина высказывает сомнение в достижимости духовных целей ре-

волюции, которая до сих пор ассоциировалась у него с «солнцем правды», с «солнцем нашего братства».

С образами небесного света связан и мотив разочарования, сознания бесполезности своих действий, который возникает в следующих строках поэмы:

*Каждый день,
Ухватившись за цепь лучей твоих,
Карабкаюсь я в небо.
Каждый вечер
Срываюсь и падаю в пасть заката.* [3, с. 172]

Мотивы разочарования и сомнения вызваны горестным ощущением непреодолимости греховной и смертной природы человека («огненная пасть» – символ ада, «закат» – символ смерти; в поэме происходит сочетание этих символов и появляется страшный, демонический образ «пасть заката»).

Исследователь О.Е. Воронова считает, что «цепь лучей» солнца, по которым карабкается лирический герой, соотносима с образом космической «оси мира – небесной лестницей». [2, с. 57] Попытка подняться по этой лестнице из солнечных лучей с точки зрения мифологической логики знаменует собой момент «перехода» в новое бытие, устремлённого соединить «верх» и «низ», восстановить связь земли с небом, чтобы привлечь космические силы к преодолению хаоса и новому мироустройству.

Мы видим сложное состояние души лирического героя:

*Тяжко и горько мне...
Кровью поют уста...* [3, с. 172]

Несмотря на духовную боль и переживания, он не утрачивает главного своего назначения, как поэта, и мы видим, что уста его «поют». В следующих строках поэмы происходит игра светом, так как на большом белом фоне, который создаётся лексическим повтором «снега», метафорой «покров моей родины», проступают пятна крови, которой «поют уста».

Родина представляется поэту в образе распятого Иисуса Христа, её разные части составляют тело её, например, «голені дорог и холмов». Ночь сравнивается с вороном, который в мифологии связан с тёмными силами и является предвестником чего-то скверного. Мы видим, как явно переплетаются в этой поэме библейские и мифологические истоки образов. Как говорит об этом сам Есенин в поэме:

*Только ведь приходское училище
Я кончил,
Только знаю Библию да сказки...* [3, с. 175]

Во второй части поэмы лирический герой обращается к месяцу. Он сравнивает его с рыжей шапкой «моего деда». Он просит снять эту вещь с сука, на который её закинул озорной внук, и прикрыть глаза героя. Он ищет спасения. В более ранних стихотворениях Есенина тоже будут появляться световые образы, которые будут тем или иным образом связаны с изделиями из ткани, будь то шаль (образ «шаль зари» в стихотворении «Пойду в скуфье смиренным иноком...», 1914 – 1922г.) или рубаха (в стихотворении «На лазоревые ткани...», 1915г.). Эти образы будут собой нести некую защиту герою, покров.

Лирический герой видит все страшные преобразования, которые происходят в этот момент времени с его родиной, но он готов принять её в любом состоянии:

*Не отрекись принять тебя даже с солнцем,
Похожим на свинью...* [3, с. 174]

Неожиданное сравнение и в то же время сложное, так как свинья в мифологиях и религиях трактуется по-разному. Свинья издавна обременена негативным символическим значением нечистоплотности, невежества и алчности. В античном мире, однако, свиноматка воспринималась как символ плодородия – это священное животное Исиды в Египте, богини земледелия Цереры в Греции и Деметры в Риме. Христиане же видят в ней

низменное, грубое существо, символ плотских грехов, особенно чревоугодия.

Вот такую родину с солнцем-«свиньёю» готов принять герой. Он даже разрешит ему просунуть «пяточок» в «частокол души» его, что говорит о вере в это солнце, о том, что есть доверие к нему. Он верит и своей родине, и ничто его не заставит отвернуться от неё, даже то, что она вызывает такие ассоциации лирического героя:

*Где ты...
Где моя родина?
Лыками содрала твои дороги
Буря,
Синим языком вылизал снег твой –
Твою белую шерсть –
Ветер...
И лежишь ты, как овца,
Дрыгая ногами в небо... [3, с. 174]*

Несложно обнаружить мифологический контекст в данном образе. В разных мифопоэтических системах символическое значение «овца» отличается большой устойчивостью и единством – робость, стыдливость, кротость, безобидность, пассивность, терпение, простота, податливость, невинность, мягкость, нежность, любовь, жертвенность (жертва). Иногда эти значения «ухудшаются» — безынициативность, подражательность, глупость, упрямство, блуждание.

В языческих ритуалах овца часто выступает в роли жертвы, так и родина лирического героя на данном этапе исторических событий не кто иная, как жертва. Она находится в таком жалком состоянии, так как не может понять, где небо, а где земля: «Путай все, что видишь...».

Несмотря на такое плачевное состояние родины во второй главе, в следующей части звучит оптимистичная мысль о возрождении России. Однако это возрождение или перерождение связано с гибелью Руси:

*Гибни, край мой!
Гибни, Русь моя,
Начертательница
Третьего
Завета... [3, с. 175]*

Лирический герой ждёт нового, Третьего Завета (после Ветхого и Нового заветов, составляющих Библию), новой книги Священного писания. Поэма несёт в себе мысль о великом будущем России.

В четвертой части поэмы образ звёзд символизирует божественный свет:

*О звёзды, звёзды,
Восковые тонкие свечи,
Капающие красным воском
На молитвенник зари... [3, с. 175]*

Здесь опять же обнаруживаются параллели со световыми образами ранних стихотворений. В стихотворении 1910 года «Вот уж вечер. Роса...» берёзы сравниваются с большими свечками. Природа представляется лирическому герою божественным храмом, в котором он может обрести успокоение для своей души. Природа у Есенина не отделена и не может быть отделена от Бога.

В четвертой же части поэмы звучит мысль о рождении нового сына девы Руси:

*Радуйся, Земля!
Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе
Родит она...
Имя ему – Израмистил... [3, с. 176]*

Это необычное имя Израмистил Есенин составил из слов «изографство» и «мистическое». В письме к Р. В. Иванову-Разумнику (Ташкент, май 1921) он высказывал мысль о том, что искусство в некоторой степени должно быть связано с мистической образностью, с загадками языка. Это искусство поэт «хорошо изучил, обломал». «И даже в поэме «Сельский часослов», — говорил Есенин далее, — назвал это моё брожение «Израмистил». Тогда мне казалось, что это мистическое изографство. Теперь я просто говорю, что это эпоха двойного зрения, оправданная двойным слухом моих отцов, создавших „Слово о полку Игореве“...» [3, с. 403]

Итак, мы видим, что основными образами поэмы «Сельский часослов» являются световые небесные образы (солнце, заря, месяц, звёзды). Все они связаны с духовным состоянием лирического героя и отражают его переживания, духовные поиски, сомнения. Также в их основу, помимо библейской, добавлены мифологические истоки, что представляет собой необычный синтез.

С.А. Есенин прожил сравнительно недолгую жизнь, но его творческое наследие представляет для нас большую значимость. Е. Винокуров справедливо заметил, что всё творчество Сергея Есенина – это одно произведение, центр которого сам поэт: «В поэтической стране, где живёт автор, всё есенинское. Каждое стихотворение – только деталь общей картины» [4, с. 76].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бельская Л.Л. Песенное слово: Поэтическое мастерство С. Есенина: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1990. – 144с.
2. Воронова О.Е. Творчество С.А. Есенина в контексте традиции русской духовной культуры: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 469с.
3. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука; Голос, 1995—2002. Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений». – 1996. – 544с.
4. Есенин. С.А. Стихотворения. Поэма: Анализ текста. Основное содержание. – М.: Дрофа, 2003. – 112с.
5. Шошнова Н. Библизмы в поэмах С.А. Есенина // Современное есениноведение. – 2007. – № 7. – С. 87 – 91.
6. Юсов Н., Мешалкин В. Новое о Есенине (из материалов к Есенинской энциклопедии) // Современное есениноведение. – 2007. – № 7. – С. 60 – 64.